

СТРАНИЦЫ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОЖЕРТВОВАНИЙ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ ПЕРИОДА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 гг. (на материалах Калужской губернии)

PAGES OF THE UNOFFICIAL HISTORY
OF DONATIONS IN PROVINCIAL RUSSIA
DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR 1904-
1905 (on materials of the Kaluga province)

A. Kovalev

Annotation

The text on the example of the Kaluga province studies one of the possible reasons for reducing the intensity of national donations for various military needs during the Russo-Japanese War 1904–1905, as well as the weakening of the support of the Russian provincial government policy. For this purpose, the cases of an unofficial history of donations – small scandals, funny things, misunderstandings about people's contributions to the cause of victory – are considered. Despite the fact that in fact there have not been cases of major abuse in the sphere of donations, the facts of unofficial history have become the property of the population in the form of rumors. The final change in moods in the province occurred by the autumn of 1904, and thus became one of the signs of the imminent First Russian Revolution of 1905–1907.

Keywords: Kaluga province, unofficial history of donations, donations, province, Russo-Japanese war 1904–1905.

Ковалев Артем Владимирович
К.и.н., доцент, Калужский филиал
ФГБУ ВО "Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ"

Аннотация

В тексте на примере Калужской губернии изучается одна из возможных причин уменьшения интенсивности народных пожертвований на различные военные нужды в течение Русско-японской войны 1904–1905 гг., а также ослабления поддержки российским провинциальным населением правительственной политики. С этой целью рассмотрены случаи неофициальной истории пожертвований – мелких скандалов, курьезов, недоразумений вокруг народных взносов в дело победы. Несмотря на то, что фактически случаев крупных злоупотреблений в сфере пожертвований не найдено, факты неофициальной истории становились достоянием населения в форме слухов. Окончательное изменение настроений в провинции произошло к осени 1904 г., и, таким образом, стало одним из признаков надвигающейся Первой российской революции 1905–1907 гг.

Ключевые слова:

Калужская губерния, неофициальная история пожертвований, пожертвования, провинция, Русско-японская война 1904–1905 гг.

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. настроения провинциального населения России претерпели существенную трансформацию. Первоначально отмечался патриотический подъем, сопровождавшийся значительными пожертвованиями на различные нужды войны. Однако в дальнейшем, примерно к осени 1904 г., энтузиазм населения сменился разочарованием и равнодушием, что выразилось, в частности, и в резком уменьшении размеров пожертвований. Судя по имеющимся сведениям, подобная ситуация была характерна для многих, если не для всех, регионов провинциальной России [1, 2, 3, 4]. Примерно таким же было положение и в Калужской губернии [5, 6, 7, 8].

В этом тексте ставится задача не исчерпывающе ответить на вопрос, почему народные пожертвования и поддержка населением дела на Дальнем Востоке осе-

нию 1904 г. и далее снизились до минимума, но, на материалах Калужской губернии, рассмотреть некоторые факты, которые могли быть связаны с этим явлением. Это различные мелкие скандалы, курьезы, недоразумения вокруг взносов людей в дело победы России в Японской кампании, которые, как кажется, уместно назвать страницами или эпизодами неофициальной истории пожертвований.

Следует отметить, что, по итогам анализа местной прессы того времени, какие-либо инциденты, связанные с пожертвованиями, в местной печати не были найдены. Это неудивительно, так как пресса (газета "Калужские губернские ведомости") находилась под контролем руководства губернии. В то же время нужная нам информация содержится в неопубликованных источниках. Основной источниковой базой исследования стали, таким

образом, документы Государственного архива Калужской области (ГАКО), в первую очередь – Канцелярии калужского губернатора, а также Комитета по сбору пожертвований на усиление военного флота в России.

Рассмотрим же конкретные факты того, что мы назвали неофициальной историей пожертвований.

15 марта 1904 г. работники ткацкой фабрики купца И.А. Александрова в селе Русиново Рощинской волости Боровского уезда постановили пожертвовать на усиление флота свой дневной заработок. Передать пожертвования попросили владельца фабрики, на что тот согласился. Когда же рабочие пожелали узнать о результатах пожертвования, примерно три месяца хозяин, по существу, ничего не отвечал.

Наконец, под нажимом рабочих уполномоченных, Александров представил квитанцию Комитета по усилению флота России № 59506 от 28 июня 1904 г. на сумму 150 рублей. Рабочие не успокоились: по их подсчетам, сумма должна была оказаться больше. По их мнению, на собрании было не менее 350 человек "набойщиков", заработок каждого из них составлял в день около 1 рубля. К тому же было 25 рабочих-"резчиков", так что сумма взноса должна составлять порядка 400 рублей. Недостачу денег фабрикант объяснил тем, что на остатное он приобрел холст для Дамского комитета Красного Креста. Объяснения не рассеяли сомнений рабочих. Дело затянулось. В 1905 г. рабочие обратились к фабричному инспектору с просьбой прояснить ситуацию, а в 1906 г. – в Комитет по усилению флота. Когда все это не дало результата, в августе 1906 г. было составлено прошение на имя калужского губернатора А.А. Офросимова, который велел провести дознание, продолжившееся с сентября по ноябрь 1906 г. Официальные итоги расследования отвечали интересам купца. Несмотря на протесты уполномоченного от фабричных Е.И. Коробашкина, что число рабочих фабрики в бумагах преуменьшено, деньги потрачены нецелевым образом (на флот и холст для Дамского комитета, а не просто на флот), что сумма, отданная за холст, завышена (12 ? копеек вместо обычной цены 9 копеек за аршин), губернатор с итогами расследования согласился [9, Л. 145–156, 158].

Этот подозрительный случай с пожертвованным холстом был не единственным. Кроме заводчика в нашу неофициальную историю пожертвований попадают и государственные чиновники.

18 сентября 1904 г. козельский уездный исправник Л.В. Рахманов оценил и продал с аукциона 2505 аршин холста, пожертвованного населением на военный флот, выручив всего 156 рублей 56 копеек. Деньги были переданы в местный комитет по усилению флота. Простое

математическое вычисление показывает нам, что за аршин ткани на этом аукционе отдали примерно 6 копеек. Из предыдущего эпизода мы видим, что, если 12 ? копеек за аршин холста могло показаться многовато, а 9 копеек считалось в самый раз, то 6 копеек было, пожалуй, слишком мало. Неудивительно, что властям губернии эта цена показалась чрезмерно низкой, и в октябре 1904 г. они выразили сомнение в правильности подобного шага. На это в ноябре 1904 г. из Козельска ответили, что пожертвованный холст был невысокого качества: грубый, часто небеленый, состоящий из маломерных обрывков. Кстати, холст по итогам аукциона был куплен членом козельской земской управы, как указывалось, "для хозяйственных нужд земства", для которых он, стало быть, вполне сгодился. Проверки высказанных аргументов губернскими властями не проводилось, вопрос был закрыт [10, Л. 79, 80, 92].

Тема пожертвованного холста и чиновников на этом, однако, не заканчивается.

29 декабря 1904 г. калужский губернатор А.А. Офросимов получил от П.Н. Козляилова, одного из земских начальников Перемышльского уезда бумагу, согласно которой на нужды Красного Креста препровождалось "около 1000 аршин холста", собранного населением Железцовской волости. При этом сам холст был вместе с бумагой земского начальника доставлен лично волостным старостой, возможно, не в первом поколении, поскольку он носил подходящую фамилию Старостин. Странность состояла в том, что холста было существенно больше – 1348 ? аршин, к тому же староста представил еще одну сопроводительную бумагу – от волостного правления, в данном случае, на точно указанное количество холста. Данное обстоятельство повергло губернатора в некоторое недоумение. Объяснить губернатору расхождение между бумагой земского начальника и реальным количеством пожертвованного холста, как и сам факт передачи двух разных документов на один и тот же холст волосной староста не сумел. В итоге губернатор, по-видимому, счел, что здесь дело состоит, скорее, в ротодействе, чем в злом умысле и устроил земскому начальнику письменную "головомойку". 4 января 1905 г. губернатор велел передать должностному лицу, что его представление "может лишь внести путаницу в отчетность по сбору пожертвований на Красный Крест и вызывать излишнюю переписку". В первоначальном тексте даже фигурировало выражение: "Подобное обстоятельство, вызвавшее излишнюю переписку, указывает на отсутствие с Вашей стороны должного внимания...", но позднее губернатор решил эту реплику исключить. Этим дело и ограничилось [11, Л. 351–353].

Ниже следует еще один эпизод, связанный с управленцами на местах, однако, на сей раз речь не идет не о холсте, а о пожертвованных деньгах.

В течение 1904 г. тарусский уездный исправник А.Д. Брылкин по присланным из губернаторской канцелярии подписным листам собирал с жителей уезда пожертвования, передавая в последующем деньги и сами заполненные листы в Калугу. Таким образом были переданы все листы и деньги по ним, за исключением подписного листа № 67 с пожертвованиями на Красный Крест. Пожертвования, а их было на сумму 100 рублей 82 копейки, также переданы не были. В итоге у губернатора А.А. Офросимова возник вопрос о судьбе народных пожертвований, не достигших адресата, о чем уездному исправнику был 30 января 1905 г. сделан запрос. Попавший в щекотливое положение чиновник ответил на запрос двумя документами. Официально он донес, что подписной лист и деньги по нему не были возвращены с лета 1904 г., так как сам подписной лист нельзя было возвратить "за временным его отсутствием". Сдавать же деньги без подписного листа Брылкин не имел права. Одновременно чиновник прислал личное письмо одному из представителей губернаторского окружения – управляющему Канцелярией губернатора Я.И. Генерозову – с тем, чтобы письмо, хотя и неофициальное, попало к главе губернии. Здесь чиновник объясняет многомесячную задержку денег неловкой оплошностью и, как нередко водится, сваливает все на свою жену. По словам чиновника, при переезде его супруга "уложила большинство вещей в сундуки, в том числе и тот мой сюртук, в кармане которого был упомянутый подписной лист". К тому моменту, когда все же подписной лист нашелся, прошло много времени. Чиновник был убежден, что пал жертвой анонимного доноса какого-то завистника из-за пустячного дела. В течение ближайшего времени в Калугу пришла квитанция, по которой исправник передавал многострадальные 100 рублей 82 копейки. Дело на этом посчитали исчерпанным [12, Л. 5–10].

И наконец, последний эпизод, который, на наш взгляд, по-своему особенно любопытен. В октябре 1904 г. в поле зрения блюстителей порядка Калужской губернии оказался человек, именованный, по собственным словам, и согласно имевшимся при нем документам (которые следователь, правда, в последующем признал недействительными) Александром Михайловичем Федоровым-Украинцевым, дворянином Алексинского уезда Тульской губернии, в возрасте 53 лет. 7 октября он прибыл в монастырь Тихонова Пустынь Калужского уезда, на станции нанял в качестве извозчика местного крестьянина Андрея Трофимовича Дегтярева и приехал в монастырь. Поселившись в монастырской гостинице, наш герой передал отцу архимандриту свою визитную карточку, на которой, помимо имени, было указано "брат милосердия, доброволец" и "сотрудник газеты "Русь", "Свет", журнала "Нива", С. Петербург, Москва" [13, Л. 1–10].

В то время настоятелем Тихоновой пустыни был архимандрит Лаврентий, который, видимо, не разобрался полностью в сложившейся ситуации [14, С. 67]. Во вся-

ком случае, визитки оказалось вполне достаточно, чтобы настоятель монастыря дважды принял Федорова. Тот объявил себя крупным деятелем в деле сбора пожертвований на нужды Русско-японской войны, получившим уже солидные суммы на Красный Крест и благословение от великой княгини Елизаветы Федоровны, нескольких московских монастырей и даже московского митрополита. В качестве доказательства визитер предъявил несколько якобы врученных ему названными особами икон. Доверившись гостю, архимандрит передал ему икону Преподобного Тихона и весь кружечный сбор в размере, по данным местного исправника, 13 рублей. Федоров пробыл в монастыре два дня, питаясь за его счет и участвуя в богослужениях, а затем уехал.

9 или 10 октября наш персонаж в сопровождении крестьянина Дегтярева, нанятого в услужение и переодетого в городское пальто, появился в Козельске. Первым делом Федоров явился в почтовую контору и потребовал марок. Когда чиновники почтовой конторы немного замешкались, посетитель разгневался и намекая на свое высокое положение, устроил им разнос. "Вы не знаете, кто я, я научу вас, как служить!" Наведя страху в почтовой конторе, самозваная "Высочайшая Особа", как велел слуге величать себя Федоров, пожаловала в знаменитый монастырь калужской земли Оптину Пустынь.

Здесь во многом повторилась история, имевшая место в Тихоновой Пустыни. Федоров-Украинцев передал свою роскошную визитную карточку настоятелю Пустыни архимандриту Ксенофону, чего оказалось достаточно для дозволения выступить перед монахами в трапезной. Там Федоров произнес высокопарную речь, начатую словами: "Братия! Я старший брат милосердия, еду в действующие войска", после чего объявил себя влиятельным участником благотворительной организации, которая, кроме его самого, что весьма символично, включала еще 12 человек. Организация эта направлялась будто бы на Дальний Восток на помощь генералу А.Н. Куропаткину. Гость намекнул на покровительство самой великой княгини Е.М. Ольденбургской, которая благословила на "благое дело" лично его. Несмотря на причастность, казалось бы, к Красному Кресту, визитер дал понять, что деятельность этой организации оставляет желать лучшего, недвусмысленно сообщил о махинациях в деле благотворительности, пересказав якобы сказанные ему великой княгиней слова: "мы обокрадены". В финале речи Федоров добавил, что им уже собрана немалая сумма – целых 600 рублей, но этого недостаточно, а потому не жертвуют ли обитатели Оптиной Пустыни на благое дело, то сколько может. После этого Федоров нацепил белую ружавую повязку со знаком красного креста и, прихватив церковную кружку для пожертвований, отправился по кельям монахов, в результате чего, то восхваляя свою миссию, то браня Красный Крест, получил, по данным следствия, с монахов еще 29 рублей 22 копейки.

Похождения нашего персонажа, которого хочется назвать то ли наследником Чичикова и Хлестакова, то ли предшественником Остапа Бендера, все же имели конец. То ли оптинские монахи оказались не такими уж доверчивыми, а наоборот, проявили свою знаменитую проницательность, то ли нашего "комбинатора" выслеживали уже начиная с Козельской почтовой конторы или даже с Тихоновой Пустыни, однако полицейские Калужской губернии доказали, что не напрасно получают свое жалование. Пристав 1-го стана Козельского уезда И.А. Соколов узнал о подозрительном визитере из донесения полицейского урядника 2-го участка, после чего, как сам гордо сообщил, "тот час же" отправился в Оптину Пустынь, где и застал Федорова. У самозванца оказались просроченные временные документы, удостоверяющие личность, никакого документального разрешения на сбор пожертвований, а при обыске были изъяты белая повязка с крестом, церковная кружка для пожертвований и деньги – правда, уже в меньшем количестве, чем было ранее собрано. Объяснить свои действия полиции Федоров не смог, отделяваясь общим фразами о том, что творит "доброе дело", в результате чего полицейские чины квалифицировали его в докладе губернатору как "надо полагать, профессионала по незаконным сборам под видом пожертвований", а следователь Г.А. Михайлов отправил Федорова в Козельскую тюрьму [13, Л. 1–10].

Дальнейшая судьба авантюриста нам неизвестна, но это не входит в сферу прямых интересов исследования.

Важно то, что сбор народных пожертвований на различные нужды Русско-японской войны не обошелся в провинции без инцидентов. В первом случае, когда речь идет о фабрике Александрова, мы имеем дело с недоразумением (а возможно, и злоупотреблением) в отношениях между фабрикантом и рабочими. В остальных случаях, за исключением последнего, мы имеем дело с элементами некомпетентности (а возможно, и с определенными вольностями), в среде провинциальных чиновников. Если все предыдущие эпизоды, в принципе, можно трактовать, скорее, как случайные неувязки, и с меньшей вероятностью, как злой умысел, то последний случай является фактом прямого мошенничества.

Впрочем, для нас, пожалуй, не столь важно, какую долю во всех эпизодах неофициальной истории пожертвований занимают факты злого умысла. Важно, что информация обо всех эпизодах неофициальной истории, по видимости, просачивалась из узкой среды непосредственных участников и попадала в распоряжение широких кругов населения. Несмотря на то, что выявленные случаи нельзя считать свидетельствами по-настоящему крупных злоупотреблений, тем не менее, люди узнавали, и, возможно, в гротескном виде, подробности реальных или вымышленных событий и делали далеко идущие выводы.

Наше предположение во многом подтверждается такими любопытными документами, как прошения приходских священников в Канцелярию калужского губернатора осенью 1904 г.

Нам известны два прошения, исходящих от священника села Макарова Лихвинского уезда Дмитрия Соколова и священника села Кузовов Медынского уезда Александра Добронравова. Прощения были направлены в октябре 1904 г. в Канцелярию губернатора А.А. Офросимова независимо одно от другого. И, тем не менее, кое-что их объединяет. Священник Соколов 24 октября 1904 г. писал, что "очень и очень многие" жители "бы с радостью посылали требуемое", если бы власти снизили плату за самостоятельную пересылку пожертвований солдатам.

Священник Добронрадов в прошении 17 октября 1904 г. выразился более откровенно. Он писал: "Как бы много больше и чаще потекли жертвы, если бы разрешили отсылать частным жертвователям лично самим и бесплатно по почте необходимые предметы для армии". И чистосердечно пояснил свое предложение: "В низшей народной массе существует непреодолимое недоверие к посторонним посредникам, собирающим пожертвования. На этот счет в народе ходит масса различных анекдотов (т.е. относительно недоставки вещей жертв). Через это многие или совсем ничего не дают, или же дают очень скупо".

Следует признать, что, Канцелярия губернатора ограничилась во многом формальным ответом на этот крик души приходских священников, написав в ответ, что "к возбуждению такого ходатайства не представляется оснований". Сигнал о снижении доверия населения к государственным и околосударственным организациям по сбору пожертвований на нужды войны в Манчжурии не был должным образом услышан [15, Л. 1–3, 5, 6, 8, 9–12].

Вполне возможно, что указанные эпизоды неофициальной истории далеко не образуют исчерпывающий список происшествий, однако, как кажется, уже их достаточно, чтобы признать влияние подобных фактов и слухов на динамику пожертвований населения в период войны и, шире, на само отношение людей к правительственной военной политике.

Стоит, кстати, обратить внимание, что практически во всех рассмотренных случаях действия, которые могут быть расценены как небрежные или нечистоплотные, исходили от различных представителей верхов общества, будь то фабрикант, чиновники, мошенник "из общества" – дворянин или выдававший себя за дворянина. Во всех случаях население губернии – крестьяне, рабочие, представители духовенства невысокого ранга и другие – в массе верили в полезность пожертвований на военные нужды, а значит, определенное время поддерживали во-

енную политику правительства. Однако их вера подтачивалась к осени 1904 г. именно за счет таких эпизодов, как показанные выше.

Действительно, рассматривая имеющиеся у нас в распоряжении факты, можно обнаружить, что основные события неофициальной истории пожертвований пришлись на осень 1904 – начало зимы с 1904 на 1905 гг. Хронологически это совпадает со временем назревания

и начала Первой российской революции 1905–1907 гг., что кажется вовсе не случайным. Таким образом, различные эпизоды неофициальной истории народных пожертвований повлияли на уменьшение количества взносов на дело войны, что стало признаком как падения интереса губернских жителей России к Японской кампании, так и падения доверия к властям и подготовило участие провинциального населения в революционных событиях 1905–1907 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева Э.А. Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 2009. 20 с.
2. Окорокова О.В. Формы и методы помощи Российского общества Красного Креста Томской губернии воинам-сибирякам в период русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Известия Алтайского государственного университета, 2012, 4–2 (76). С. 168–171.
3. Смирнова Е.А. Отношение провинциального общества к Русско-японской войне в 1904–1905 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Кострома, 2006. 263 с.
4. Фурсов В.Н., Ледовских Е.А. Благотворительная деятельность населения центрально-черноземных губерний в период русско-японской войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 2014, № 15 (186). Выпуск 31. С. 123–127.
5. Ковалев А.В. Денежные пожертвования жителей Калужской губернии на усиление флота в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам Канцелярии калужского губернатора) // Научные труды Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. Калуга, 2015. С. 126–130.
6. Ковалев А.В. Денежные пожертвования населения Калужской губернии на военные нужды в 1904–1905 гг. (по материалам Канцелярии калужского губернатора) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XV Всероссийской научной конференции. Полотняный Завод – Калуга, 2–4 апреля 2013 г. Калуга, 2013. С. 211–214.
7. Ковалев А.В. Пожертвования населения Калужской губернии в пользу Красного Креста в период русско-японской войны 1904–1905 гг. // Калуга в шести веках: Материалы 9-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2013. С. 252–261.
8. Ковалев А.В. Пожертвования населения Калужской губернии в пользу семей участников русско-японской войны в 1904–1905 гг. (по материалам Канцелярии калужского губернатора) // Научные труды Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. Калуга, 2013. С. 106–110.
9. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 467. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАКО Ф.467. Оп. 2. Д. 1.
11. ГАКО. Ф.32. Оп. 2. Д. 1132.
12. ГАКО Ф.32. Оп. 2. Д. 1251.
13. ГАКО. Ф.32. Оп. 10. Д. 771.
14. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1905 год / под. ред. И.П. Балабанова. Калуга, 1904. 254 с.
15. ГАКО. Ф.32. Оп.2. Д.1177.

© А.В. Ковалев, (artem-v-kovalov@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

